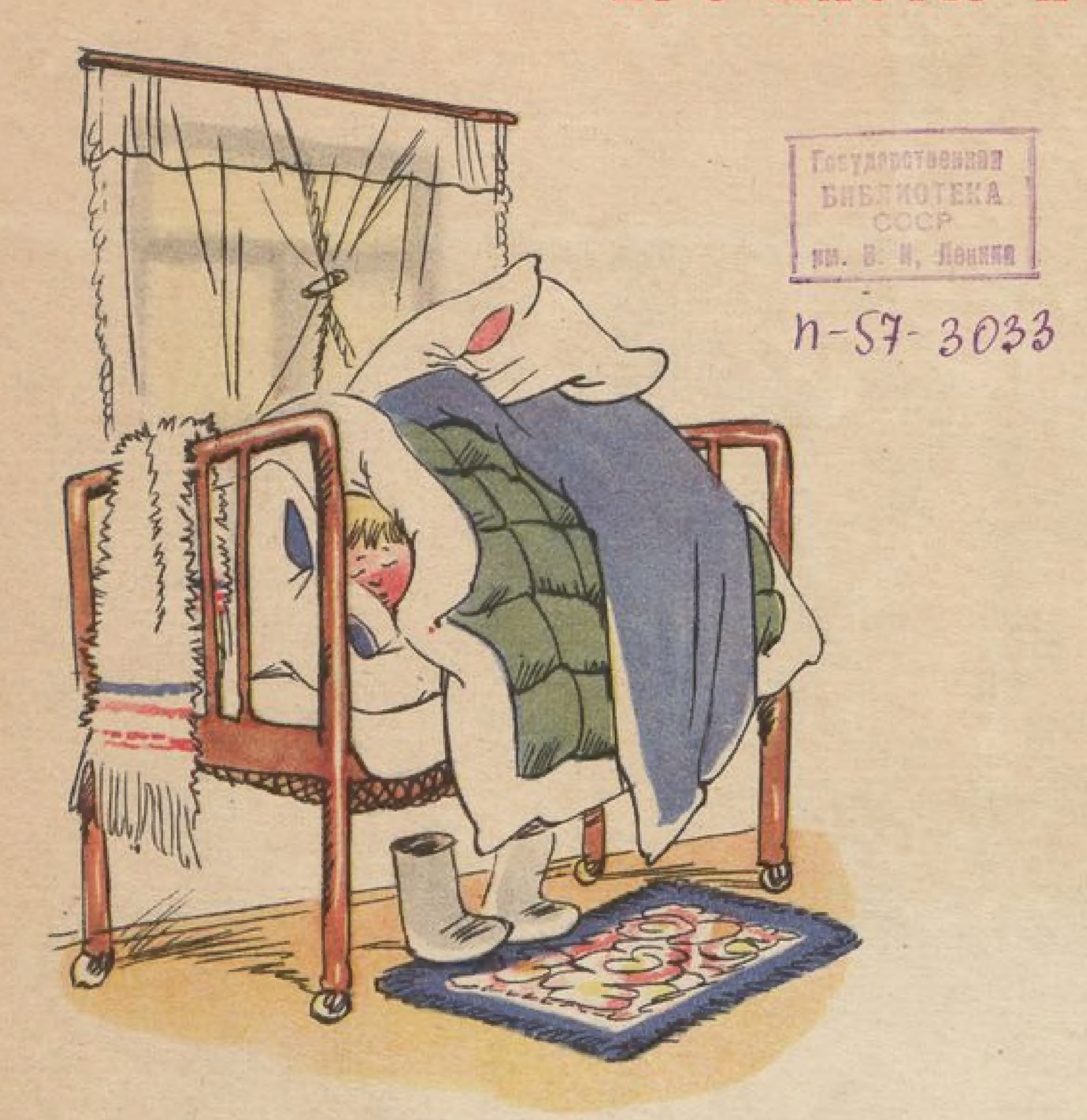

МУРЗИЛКА
№ 7
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов
ИЮЛЬ
1956

ПРО НАСТЮ И ВАСЮ

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ
Рис. Ю. УЗБЯКОВА

Лежит матрац волосяной
У Насти на кровати.
Ей снятся сны хорошие
До самого рассвета.
(Принцессе на горошине
И не мечтать про это!)

Разбудит солнце Настеньку,
Она с постели вскочит,
И делает гимнастику,
И весело хохочет!
Водою обливается
И зубы чистит пастой.
Ей солнце улыбается,
И клён ей шепчет:
„Здравствуй!.."

Чтоб сонного Василия
Заставить утром встать,
Громадные усилия
Затрачивает мать.

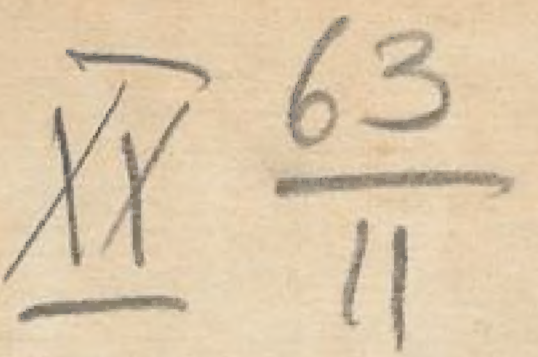
Он, из боязни сквозняков
Закрыв окошко плотно,
Меж двух больших пуховиков
Весь день проспит охотно.

У Настеньки —
У Насти ж —
Всю ночь
Окошко настежь!
Её румянец ярок,
Глубок и сладок сон.
Ночное небо в звёздах,
Ночной прохладен воздух,
И в Настенькину комнату
Заглядывает клён.

Здесь нет перины ни одной,
Нет одеял на вате, —

Идёт по переулку
Василий на прогулку.

Идёт он
В ста одёжках,
Похожий на кочан.
Похожий
На бочонок,
Идёт, под смех девчонок.

Прохожий
Головою
При встрече
Покачал:

— Вы мальчик или бочка? —
Простите за вопрос, —
И ежели вы бочка,
Зачем у бочки нос?

А ежели вы мальчик, —
Ответьте на вопрос, —
Зачем здоровый мальчик
Одёжками оброс?

— А чтоб не простудиться! —
Василий отвечал,
Взглянул победоносно —
И громко зачихал.

А Настя не боится
Ни града, ни росы,
И на весёлой Насте
Лишь майка да трусы,
Да голубая лента
Связала две косы, —
Отчасти для удобства,
Отчасти для красы!

Мы с Настенькой не тужим, —
Нам нравится тайком
Под дождиком
По лужам
Пошлёпать босиком!

Она девчонка смелая,
Худая,
Загорелая, —
Я очень рад, товарищи,
Что с Настенькой знаком!

ЛОДОЧКА

Гр. БОЙКО

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

По ручью торопится
За овраги
Беленькая лодочка
Из бумаги.

Глаз я с этой лодочки
Не спускаю,
Про неё я песенку
Запеваю:

«Не угнаться, лодочка,
За тобою,
Уплывёшь ты речкою
Голубою.

Речка тебя вынесет
Прямо в море,
Там, где служит папа мой
На линкоре.

Плыви, плыви, лодочка,
Вдаль проворно,
Передай отцу привет
В море Чёрном».

Перевела с украинского З. Александрова

БОЧКА С ВОДОЙ

Р. БАУМВОЛЬ

Рис. НИК. ПЛАСТОВА

Шила бабушка в саду на скамеечке и уронила напёрсток, а поднять забыла, так в дом и ушла.

Напёрсток упал в траву донышком вниз. В это время пошёл маленький дождик, такой маленький, что после стольких жарких дней он никого не напоил, не обмыл, чуть-чуть брызнул и впитался мигом в сухую землю.

И вдруг в траве молва разнеслась: «Найдена бочка с водой!» Собрались вокруг полного напёрстка букашки-таракашки, а жук-долгоносик длинным хоботком черпает воду и раздаёт по одной капельке на трёх братьев:

— Пейте, воды достаточно! Всем хватит!

А одна травинка даже голову окунула в напёрсток:

— Как хорошо я освежилась!

Но брезгливая божья коровка всплеснула крылышками:

— Помилуйте, разве можно, чтобы каждый голову совал в бочку!

Тут умные муравьи придумали: накрыли напёрсток листиком — не высохнет вода и не запылится.

Весь жаркий день толпился мушиный народ у бочки с водой. А ночью пошёл продолжительный дождь с громом и с молнией.

Ветер повернул напёрсток, оставшаяся вода из него вылилась, но она уже никому не была нужна. Вокруг шла такая мойка-стирка, только ветки на деревьях покряхтывали; ветер поворачивал листья то одной, то другой стороной и шлёпал по ним потоками воды. Молния всё время чиркала как бы огромной спичкой по небу: осветит на миг сад, чтоб убедиться, все ли хорошо вымылись.

Наутро пришла бабушка в сад, а у скамейки напёрсток лежит, блестит на солнце, просится на палец, как будто он никогда бочкой с водой и не был.

НА МОРЕ

Л. ВОРОНКОВА

Рис. Н. СЕМЕНЦОВА

Мать прибиралась во дворе, а Данилка ей помогал. Он замёл мусор в кучку, собрал щепки от дров. И всё ждал, когда мать заговорит с ним. Но она недавно пришла с работы, да и по хозяйству захлопоталась и забыла спросить Данилку, как он тут дома жил-поживал.

— А у нас новости были, — сказал тогда Данилка.

Мать улыбнулась.

— Ну? Какие же это, сынок?

— Ласточки-воронки хотели над самой дверью угнездиться, а я им сказал: «Здесь вам не место, вас кот живо достанет».

— А они что сказали?

— А они сказали: «Ладно. Хорошо, что про кота напомнил». И улетели.

А потом и Данилка стал спрашивать:

— А тебе лозы на винограднике радовались?

— А как же! — ответила мать. — Ещё как радовались-то!

— А что говорили?

— Говорили: «Обрежь скорее ненужные ветки. Они нам мешают. Если они останутся, виноград у нас будет мелкий и совсем никудышный».

— И тогда ты стала обрезать?

— Конечно. И я. И вся наша бригада. Обрезаем, подвязываем. Обрезаем, подвязываем. А лозы нам спасибо говорят и всё потрапливают. Так день и пролетел — не видали как.

Отец, надвинув на лоб большую соломенную шляпу, сидел во дворе под тополями. Он чинил рыболовную сеть, курил трубку и молча слушал. А потом сказал:

— Всё чепуху мелете. Кто у вас большой, кто маленький — не разберёшь. Ты, парень, лучше учился бы вот сети плести, а ты только языком небылицы плетёшь. У всех рыбаков ребята сети плести умеют.

— Все рыбаки ребят рыбу ловить берут, — сказал на это Данилка, — а вы меня, папа, никогда не берёте.

Отец прищурил свой чёрный глаз:

— А что ж я тебя на море вместе с топчаном потащу?

— А разве я, папа, к топчану прибитый?

Отец усмехнулся:

— Ладно! В таком случае разбужу. Но если сразу не вскочишь — прощай! Один уйду.

Данилка долго не мог уснуть в эту ночь. Всё думал: как-то он с отцом пойдёт к рыбакам, как-то он сядет с ними в лодку... А вдруг да ещё и на вышку возьмут? У Данилки даже сердце замирало от волнения, и он всё ворочался на своём топчане.

Давно уже затихла деревня. В доме все спали: и отец и мать. И серый кот спал. И поросёнок спал во дворе: слышно было, как он похрапывал во сне. И куры спали, забравшись на развесистый сиреневый куст под окнами.

Вышел месяц, заглянул на терраску к Данилке: «Ты не спишь, Данилка?»

— Не гляди на меня, — прошептал Данилка, — я засну сейчас.

И заснул. Да так крепко, что и не слышал, как на заре его окликнул отец.

И только когда отец тронул его за плечо, Данилка очнулся. Он не сразу понял, что надо отцу. Зачем он будит Данилку?

— Однако, вижу, к топчану ты прибитый, — сказал отец. — В таком случае один ухожу!

Данилка сразу вскочил.

На земле ещё стояла ночь. И только далеко, над засиневшими холмами, брезжила в небе светлая полоска.

Данилка долго не раздумывал. Оделся, нашёл свою кепку.

— Пальтишко накинь, — сказал отец, — продрогнешь.

— А вы? — спросил Данилка.

— А я так. Я привык.

— Ну и я так.

Тихая была улица. Пустая. Данилка торопливо шагал за отцом, ёжился от холода спросонья и поглядывал по сторонам. Это их деревня? Или чужая чья? Такими незнакомыми казались ему тёмные тихие дома.

Прошли мимо Фединого дома. Данилка поглядел наверх, на тёмные окна. Рыжий Бобка залаял было из-за калитки, но тут же узнал своих и умолк. Вскрикнул гусак спросонок и тоже замолк.

«А Федя спит и не знает ничего», — подумал Данилка и улыбнулся. И тут же подумалось Данилке, как все ребята удивятся, как позавидуют, когда узнают, что он с рыбаками рыбу ловил!

Рыбачий домик стоял на самом берегу моря. По берегу лежали разостланные сети. Данилка не разглядел их, сразу запутался и упал.

— Ага, окунёк попался! — сказал бригадир дядя Егор. — Куда его: солить или в консервы?

Рыбаки засмеялись. Данилка вскочил, на лбу у него даже пот выступил от смущенья.

— Ничего, ничего, — подбодрил его молодой рыбак Саша, — мы вот с ним сейчас на вышку отправимся. Дежурить.

— Куда ещё — дежурить? — сказал дядя Егор. — Что за баловство на работе?

— Приучать надо, — ответил Саша. — А где ж мы смену возьмём, если не будем ребят с малолетства приучать?

Рыбаки заспорили. Только отец молчал. Как хотят товарищи. А Данилка глядел то на одного, то на другого. И больше всего на Сашу. Отспорит он его или не отспорит? Саша отспорил. Данилка вприпрыжку побежал за ним к воде, где на мелкой зыби качалась рыбачья лодка.

— Только ни звука! — сказал Саша Данилке. — Сиди как мышь. А то она живо услышит и уйдёт.

— Кто она? — спросил Данилка шопотом.

— Рыба — кто же ещё? Как влезем на вышку, так и замри. Понял?

— Понял.

Тихо подошла лодка к вышке. Тихо, без шума взобрались Саша и Данилка наверх. Саша разостлал свой пиджак, велел Данилке лечь и сам прилёг рядом. А то если рыба пойдёт да увидит человека на вышке, так и прощай: повернётся и уйдёт обратно в море.

Саша и Данилка тихо-тихо лежали на вышке. Данилка даже вздохнуть боялся —

как бы рыбу не спугнуть. Он смотрел и смотрел в тёмную глубь моря, разглядывал длинные сети, протянутые поперёк залива. Вдруг Саша легонько тронул за плечо Данилку:

— Слышишь?

Данилка прислушался. Какой-то глухой шум шёл по воде. Данилка приподнял голову — море лежало гладкое, светлое, невысокие волны одна за другой шли к берегу.

И вдруг Данилка увидел, что широкие волны стали рябыми, они словно изломались в мелкие кусочки, зашелестели, закипели... Данилка высунулся с вышки в залив, — прямо в растянутые сети шла кефаль. И шла она так густо, что шум шёл по воде. Но не успел Данилка высунуться, как Саша дёрнул его назад. Да так дёрнул, что Данилка чуть не слетел в воду.

Однако было поздно. Лишь немного кефали заплыло в сети. А остальная рыба увидела Данилкину голову и ринулась обратно в море. Ещё больше вскипела вода, но вскоре затихла. Мерные широкие волны тихо пошли к берегу.

Саша, коричневый от загара, в полосатой тельняшке, стоял во весь рост и, сдвинув брови, глядел, как уходила кефаль. Данилка ни жив ни мёртв сидел на разостланном пиджаке и ждал, когда Саша обернётся к нему. А Саша всё стоял и глядел в море, словно даже и взглянуть не мог на Данилку.

— Ну так, — сказал он, наконец, — нарыбачили мы с тобой. Почти вся ушла.

Если бы вдруг подломилась вышка и Данилка полетел бы вниз, в глубокую воду, ему лучше было бы, чем теперь. Он сидел, опустив голову, — пускай Саша ругает его, пускай даже треснет!

Но Саша не стал ни ругать, ни бить Данилку. Он только крякнул и сказал:

— Собирайся, рыбак, на берег. А как подойдём к берегу, выскакивай и беги. Я уж как-нибудь один с артелью договорюсь.

Данилка только посмотрел на Сашу. Лучше этого человека для него сейчас на свете не было.

Так они и сделали. Спустились в лодку, поплыли к берегу по розовой зоревой воде. А чуть лодка коснулась прибрежного песка, Данилка выскочил на берег и, как заяц, припустился домой.

Мать уже подоила корову и выгоняла её со двора. Рыжее стадо шло по улице, поднимая невысокую пыль. Краснущка, такая же рыжая, как все колхозные коровы, пошла вместе со стадом. А мать увидела Данилку и остановилась у калитки.

— Что случилось, сынок? — ещё издали спросила она тревожным голосом.

Данилка молча прошёл мимо неё во двор.

— Что случилось, Данилка? — крикнула мать. — С отцом что?

— Нет, не с отцом... — еле выговорил Данилка и залился слезами.

Мать села на ступеньки под олеандрами и Данилку посадила рядом. Данилка поплакал, а потом всё рассказал матери.

— Ну, теперь ты понял, как надо на вышке дежурить? — спросила мать.

— Понял, — ответил Данилка. — Теперь-то понял... А я разве знал, что она меня оттуда увидит?

— Ты рыбу в воде видишь? Видишь. Ну и она тебя из воды видит. Здоровый урок ты получил сегодня! Это хорошо.

— Да, хорошо, — не то сказал, не то проскрипел Данилка, — а отец-то... А ребята теперь все смеяться будут...

— Ну, отец! — Мать весело махнула рукой. — А он-то разве сразу хорошим рыбаком стал? Тоже сколько раз ошибался, пока научился рыбу ловить. А ребята? Какое горе! Посмеются, да перестанут. Ты лучше послушай-ка, что вёдра говорят...

Данилка взглянул на мать.

— «Мы пустые» — это они говорят?

— А знаешь? Ведь ты угадал!

Мать засмеялась и пошла топить печку. А Данилка вытер слёзы, схватил вёдра и побежал за водой.

Гармоника

З. АЛЕКСАНДРОВА
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Минувшей зимой я побывала в Чехословакии, видела много городов и сёл этой замечательной страны. Я познакомилась там с ребятами — пионерами и школьниками. О том, как живут дети в этой стране, мне захотелось рассказать вам в стихах.

У маленького Тоника
Весёлая гармоника,
Губная, покупная,
Такая озорная!

Гармонь дразнилками полна:
То соловьём споёт,
То замяукает она,
Как бабкин рыжий кот,

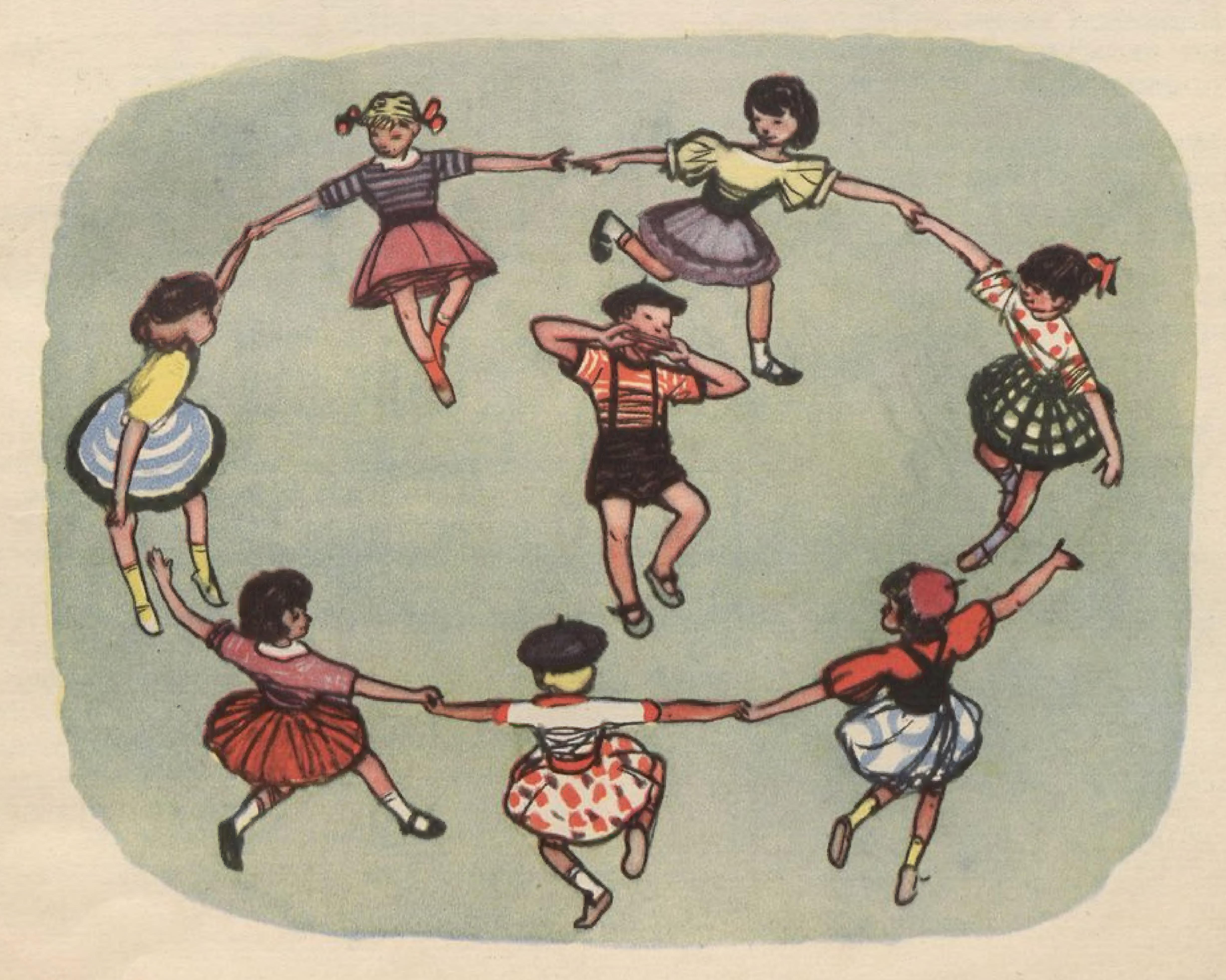
То закричит „ку-ка-реку!“
И зарычит, как пёс,
Назло соседскому щенку,
Что задирает нос.

И песен у неё запас,
Их непочатый край!
Ребята просят каждый раз:
— Ах, Тоник, поиграй!

— Сыграй, сыграй,—кричит народ,—
Нам полечку опять! —
Девчонок пёстрый хоровод
Не устаёт плясать.

Цветные юбочки летят,
Как будто карусель,
Танцует мостик, пляшет сад,
Сосна, берёза, ель...

Прохожие пустились в пляс,
Быстрей,
быстрей,
быстрей!..
Жаль, Тоник далеко от нас
С гармоникой своей.

Детский автобус

А ну, автобус, погуди!
Мы едем в детский сад.

Гудит автобус у ворот:
«Скорее, маленький народ!
Ду-ду, я жду давно!»
Он собирает всех ребят,
Чтоб отвезти их в детский сад,
Как тут заведено.

Ребята весело бегут
К нему со всех сторон.
Маржéнка тут, Еленка тут...
А Марик?.. Где же он?
Гудит автобус: «Ду-ду-ду!..
В последний раз его я жду!»

И Марик, услыхав гудок,
Спешит в автобус влезть.
Смущённый, сонный, как сурок,
Но всё-таки он здесь!

Своё местечко впереди
Занять он снова рад.

И вечером, когда в саду
Окончится игра,
Гудит автобус: «Ду-ду-ду!
Пора домой, пора!»

Садится солнышко вдали,
Щеглы на ветках спят,
С работы матери пришли
И ждут своих ребят.

Ребята сонные идут,
Маржéнка тут, Еленка тут,
На месте Марик наш...

И по домам, по адресам
Автобус их доставит сам
И спать уйдёт в гараж.

Под горою в словацком лесном заповеднике
Скачет серая белочка в светлом переднике.
Притаится и слушает чуткими ушками,—
Не идёт ли из школы Маржéна с подружками?
Лишь Маржéна по горной тропинке подымется,
Прямо на руки прыгнет ребячья любимица.
Будто кошка, она трётся серенькой спинкою,
Ждет калёных орехов, конфету с начинкою,
Машет пышным хвостом, не боится ни чуточки!
Как живой воротник у Маржéнки на курточке!
И волнуются белки за хвойными ветками:
Угостят или нет их сегодня конфетками?
И кидаются сверху сосновыми шишками,
Видно, тоже хотят поиграть с ребятишками.

КОТ-НАСЕДКА

Х. ГАСИЛОВА *Рис. Н. АРИСТОВА*

У нас во дворе жили закадычные друзья: курица Чил и кот Мастан. Воду они пили из одной чашки, рядышком посиживали на чинаре, а летом в жару дремали в тени забора друг подле друга. Когда Чил рылась в земле, Мастану казалось, что с ним играют, и он тоже принимался выбрасывать землю лапами.

Словом, это была настоящая дружба.

Как-то мы заметили, что Чил, не переставая, кудахчет, бегает расстроенная по двору, вроде что-то ищет. Постлали мы ей на чердаке соломки, положили несколько яиц.

Чил села на яйца. Теперь уже она не появлялась во дворе. А если иногда покидала чердак, то ходила злая-презлая, нахохлившись.

Кот Мастан остался один. Мы видели, что он сильно скучает.

Однажды я поднялась на чердак и заметила, что двух яиц недостаёт. Странно, куда они могли деться?

На следующий день я опять пришла проведать курицу и снова обнаружила пропажу: исчезло ещё одно яйцо. Не менее странным было и то, что рядом с курицей сидел Мастан.

Дня через два я вновь забралась на чердак.

Мастан был там же. Он лежал чуть поодаль, настороженный, готовый к прыжку.

Я притаилась и стала ждать: что же произойдёт?

Под соломой послышался шорох. Мастан сжался в комок.

Прошло несколько минут, шорох прекратился. Мастан отошёл и лёг на свое место.

Всё стало ясно. На чердаке водились крысы. Это они таскали яйца.

Я подняла курицу и сосчитала: в гнезде лежало семь яиц.

Молодец Мастан! Видно, не зря он здесь сидел эти дни. Одного я не понимала. Как могли крысы воровать яйца прямо из-под курицы? Потом догадалась: наверно, они делали это, когда Чил спускалась во двор.

На следующий день, увидев во дворе курицу, я тихонько поднялась на чердак. И что же я увидела? На гнезде лежал Мастан.

Оказывается, когда Чил спускалась во двор, на её место ложился Мастан.

Так и стали мы его называть: кот-наседка.

З. ТЕЛЕСИН

Я по садовым
Дорожкам иду.
Яблоки вижу
На ветках в саду —
Светлозелёные,
Жёлтые,
Белые
И розовые.

Яблоки тут,
Яблоки там.
Я вам их все
Назову по сортам:
Титовки,
Пепинки,

Крымские,
Райские
И антоновки.

Хоть я на каждом
Не делал надкус,
Каждое яблоко
Знаю на вкус:

Рис. Е. АДАМОВА

В грузовиках,
Пароходах,
На поезде
И на лошади.

Вкусные яблоки!
Ем их и ем.
Яблоки наши
Понравятся всем:
Бабушкам,
Дедушкам,
Папам, и мамам,
И детям.

Сладкое,
Кислое,
Терпкое,
Винное
И медовое.

Яблоки будем
Сначала грузить,
Яблоки будем
Потом отвозить

ГОТАМСКИЕ МУДРЕЦЫ

Английская народная сказка

Однажды до жителей Готама дошла весть, что через их город проедет король. Это совсем не понравилось готамцам. Они ненавидели короля, потому что он был очень жесток.

Как тут быть?

Вот и собрались они, чтобы потолковать об этом, и один из них сказал:

— Когда приедет королевский шериф, чтобы объявить о прибытии короля, давайте притворимся дураками. Тогда король побоится приехать в наш город, потому что дураки опасны: дурак может швырнуть камень даже в голову короля.

На том и порешили.

* * *

Как-то ранним утром шериф с отрядом свирепых воинов направился в Готам. Подъезжая к городу, они увидели странное

Рис. А. КОКОРИНА

зрелище. Вверх по склону холма старики вкатывали и укладывали в виде лестницы большие камни, а юноши смотрели на них и громко кряхтели.

Шериф остановил коня и спросил у стариков, что они делают.

— Мы вкатываем камни на холм, чтобы помочь солнцу взойти, — ответил один из стариков.

— Ну и дурак! — воскликнул шериф. — Разве ты не знаешь, что солнце взойдёт без всякой помощи?

— О! Неужели? — удивился старик. — По правде говоря, я никогда не думал об этом. Какой ты мудрый!

— А вы что делаете? — обратился шериф к юношам.

— О, мы кряхтим, пока наши отцы работают, — объяснили они.

— Вот дурачки! — сказал шериф и поехал к городу.

Вскоре он подъехал к полю, на котором множество людей возводили каменную ограду.

— Что вы делаете? — осведомился шериф.

— Вот в чём дело, ваша милость, — ответили они. — На поле сидит кукушка, и

мы строим вокруг нее ограду, чтобы птица не улетела.

— Какие же вы дураки! — воскликнул шериф. — Разве вы не знаете, что птица легко перелетит через это препятствие?

— О! Неужели? — удивились готамцы. — Мы никогда об этом не думали. Какой ты мудрый!

Затем шериф встретил человека, который нёс на спине дверь.

— Что ты делаешь? — спросил шериф.

— Я отправляюсь в далёкое путешествие, — ответил незнакомец.

— Но зачем ты несёшь эту дверь? — продолжал любопытствовать шериф.

— Я оставил дома деньги.

— Тогда почему ты не оставил дома также и дверь?

— Я боялся воров, а если дверь со мной, то они не смогут сломать её и войти в дом.

— Глупый ты! — сказал шериф. — Было бы безопаснее оставить дверь дома, а деньги унести с собой.

— О! Неужели? — изумился человек. — Я никогда не думал об этом. Ты самый мудрый человек, которого я когда-либо встречал.

— Ну, я убежден, что все жители Готама дураки, — сказал один из всадников.

— Давайте поедем обратно в Лондон и расскажем о них королю, — предложил шериф. — Я думаю, что королю лучше не приезжать в Готам. На дурака положиться нельзя!

И так они поехали обратно и рассказали королю, что Готам — город дураков. И король нахмурился и сказал, что он не поедет в этот город.

А когда готамцы узнали эту новость, они перемигнулись и заметили:

— В Готам приезжает дураков больше, чем их имеется в самом городе.

Перевёл с английского и обработал Конст. Котти

КОЛЯ-НИКОЛАЙ

БАРИ РАХМАТ
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

К нам в татарскую деревню
Из колхоза «Каравай»
Часто ходит русский дядя,
А по-нашему агай.
Вместе с ним приходит мальчик,
А по-нашему малай.

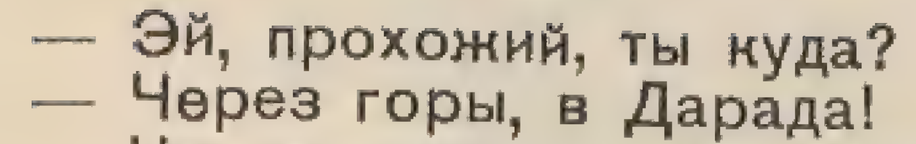
Он два имени имеет —
Как тут хочешь понимай:
Одно имя — это Коля,
А другое — Николай,
Хоть он сам не два малая,
А всего один малай!

Мал малай, а в разговоре
Не уступит никому.
Жаль, что Колю-Николая
Я ещё с трудом пойму:
Чисто говорит по-русски —
Я завидую ему!

Перевёл с татарского Г. Абрамов

ТЫ КУДА?

Лакская народная песенка

— Эй, прохожий, ты куда?
— Через горы, в Дарада!
— Что там делать, путь далёк?
— Надо мне купить досок!
— Для чего они, прохожий?
— Я хочу построить дом!
— Дом построить, для чего же?
— Чтобы дети жили в нём!
— А зачем, прохожий, дети?
— Чтоб вставали на рассвете,
Чтоб толкли толокно,
Сторожили зерно.

Перевёл с лакского Н. Гребнев

ЦАРАПИНА

ВИЛЬ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Саша очень спешил. Только что позвонил по телефону папа и сказал, чтобы он собрался как можно быстрее и ехал на площадь Революции. В Мосторге, наконец, появились лыжи. Папа уже купил пару и ждёт Сашу у входа в метро. Надо будет взять лыжи домой.

В метро Саша хотел получить билет в автомате, но автомат не умеет сдавать сдачу. Пришлось брать билет в кассе. Вместе с билетом кассирша дала Саше светлый новенький пятачок.

Пятачок блестел, и Саша, пока шёл к эскалатору, всё рассматривал его и думал: «Наверное, он только что с завода, где делают эти пятачки, и я первый, к кому он попал в руки».

Было очень приятно держать пятачок в руке. Пальцы всё время нащупывали выпуклые колоски и большую, как серп, пятёрку. Но особенно замечательным у пятачка было его ребро, шероховатое, как напильник. Так и хотелось сейчас же попробовать, может ли оно пропилить что-нибудь.

Саша провёл ребром пятачка по резиновым поручням, но упругая резина как будто отталкивала пятачок. Саша нажал посильнее, и рука с пятачком соскочила с резиновых поручней на блестящую, полированную, гладкую крышку эскалатора.

Пятачок сразу же зажужжал, как маленькая пилка, вгрызаясь своими острыми зубками в дерево. Побежала за Сашиной рукой, процарапанная пятачком, белая дорожка. На пути всё время попадались медные полоски, и тогда пятачок звенел, подпрыгивал, и снова опускался на гладкую, отполированную, как зеркало, блестящую крышку эскалатора, и снова его острые зубки принимались грызть дерево.

Саша повернулся и стал смотреть вверх. На эскалаторе было совсем мало народу. И, конечно, никто не замечал, какая весёлая светлая дорожка тянется за Сашиным пятачком и какие при этом получаются маленькие стружки.

Саша даже пожалел, что он так быстро доехал донизу. Он посмотрел на пятачок: и пятачок и Сашины пальцы были в красной пыльце. Саша сдунул эту пыльцу и опустил пятачок в карман.

Все, кто был вокруг Саши, шли торопливо: каждому хотелось побыстрее сделать свои дела. Только в самой середине зала стояло несколько человек, одетых в одинаковые серые пальто и шляпы. Это были иностранные гости. Они внимательно слушали, что говорила им маленькая женщина, указывая то на мраморные стены, то на потолок, и только один из них, который, вероятно, считал, что знает русский язык, весело поглядывал вокруг и всё повторял:

— Карашо!.. Чисто... Порядок... Красиво... Карашо!

Папу Саша увидел сразу: он стоял, обняв одной рукой лыжи, и нетерпеливо поглядывал на часы.

— Вот хорошо, во-время приехал! — сказал папа. — Я даже смогу тебя немного проводить.

Лыжи были чудесные! Они были точно такие, какие давно хотелось иметь Саше. И как раз по росту. И крепления хорошие, и палки. Лыжи были такие гладкие, блестящие.

— А что же это?

— Да, Сашенька, это царапина, но ничего не поделаешь. Пришлось взять эту пару. Другой на твой рост не было.

Царапина, глубокая и белая, была особенно заметна на гладкой, блестящей поверхности лыжи.

Да, это было очень обидно — всё бы хорошо, если б не эта царапина!

Они быстро доехали до станции и поднимались на эскалаторе вверх. А другие люди по другой лестнице спускались вниз. Но они спускались вниз уже не по той лестнице, по которой спускался Саша. Та лестница стояла.

И, поднимаясь, Саша видел, как на неподвижном эскалаторе одна, а потом другая, третья и четвёртая женщины в синих халатах мажут красной тряпочкой полированную блестящую крышку эскалатора и растирают потом это место большой суконкой.

— Зачем это они, папа? — спросил Саша и вдруг увидел знакомую ему белую дорожку, процарапанную пятачком.

Папа посмотрел в ту сторону и тоже увидел царапину.

— Да вот, видишь, проехался здесь какой-то, процарапал — и был таков, а посмотри, сколько людей должны из-за него трудиться, заглаживать эту царапину... Не пожалел человек ни красоту, ни чужой труд!

Саша молчал. Ему почему-то уже ни о чём не хотелось говорить с папой.

Репетиции в цирке.

Рис. Ю. КОРОВИНА

АМИРХАН ШОМАХОВ

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

На рассвете по дороге,
Не спеша и важно шёл
Густошёрстный, круторогий,
Представительный козёл.

— Ой! —сказал один прохожий,
Отступив на три шага,—
Забодать козлище может.
Ничего себе рога!..

Тряс козёл своей козлиной
Знаменитой бородой.
А за ним цепочкой длинной
Стадо всё держало строй.

Это стадо по дороге
Гнал мальчишка босоногий.
Был он мальчиком простым:
Смелым, ловким, озорным.

И однажды всем ребятам
Он сказал:
— Могу, друзья,
На козле на бородатом
По селу проехать я.

Те в ответ:
— Хусейн, не хвастай!
Норовист скакун рогастый
И не слушается шпор.
— Поглядим! Иду на спор!
И, сомнений не любя,
Он подумал про себя:

«По горам на ишаках
Часто ездят люди.

Путешествовать в песках
Можно на верблюде.

И летит, держась в седле,
Конник, словно птица.

Почему же на козле
Мне не прокатиться?»

В тот же вечер, на углу
Перед парком клубным,
Подошёл Хусейн к козлу
С видом дружелюбным.

Вдруг козёл как завопит,
Вскачь — и пыль из-под копыт.
Впереди и позади
Смех, весёлый гомон.
Все кричат: — Гляди, гляди,
На козле верхом он!

Все кричат: — Держись, джигит!
Прокатись на славу!..
Но Хусейн уже летит
Головой в канаву.

Лоб потёр, потрогал нос,
Что распух солидно.
Что там нос,
когда до слёз,
Стало вдруг обидно.
Не спеша домой пришёл
И сказал соседу:

— Необъезженный козёл!
Больше не поеду!

Перевёл с кабардинского Я. Козловский

„МОЛОЧНЫЙ ПАЛЬЧИК"

НАТАЛЬЯ МЕНДЕЛЬСОН

Одной девочке принесли маленького кролика. Кролик был ещё слепой, с тонкими розовыми ушками, ростом с котёнка. И, совсем как котёнок, он чесал щёчку лапой.

Травку кролик не щипал, брюковкой не хрустел, — мал был. Пододвинули ему блюдце с молоком и сунули мордочкой. Дрожит кролик. Лапками упёрся и всё молоко пролил.

— Как он будет жить? — забеспокоилась девочка. — Ведь он ничего не ест.

Подтёрла девочка пролитое молоко. Взяла крольчонка на руки и провела ладошкой по его мордочке:

— Почему не ешь? Непослушный!

И вдруг кролик лизнул девочке палец: учуял, видно, капельки молока. Тогда девочка обмакнула палец в молоко и сунула кролику под нос. Обнюхал он палец и обсосал. Стала девочка поить крольчонка молоком с пальца. Макнёт палец в молоко, а кролик этот „молочный пальчик" оближет. Вкусно!

Так и выходила девочка кролика.

Спал кролик в коробке из-под ботинок, на подстилке из сена. Во сне он часто вздрагивал. А проснувшись, потягивался, отставив задние ножки и прогнув спинку.

Скоро кролик стал видеть. Он поднялся на задние лапы и вылез из коробки. Тюк! — носом в пол и скорей на своё уютное местечко. Он любил сидеть в своей коробке: спинку нагорбит, одно ухо наставит и прислушивается, не зовут ли его: „Труска, Труска!" А услышит — из коробки вываливается и скачет, мелькая белым хвостиком.

Через несколько дней кролик уже уплетал и листья, и хлеб, и морковку. Но если девочка брала его на руки, он тыкался носом в её ладошки. Кролик искал „молочный пальчик", который он так любил, когда был совсем маленьким.

На обложке рисунок Н. Цейтлина *Макет Е. Адамова*

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать второй Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00346 Подп. к печати 31/V 1956 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 850 000 экз. Заказ 1119

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

